

Три дня пролетели незаметно.

За эти три дня Ли Жуань помог Цзян Шэню собрать тела погибших стражников, павших на Чанмине, и похоронил их в том лесу, где они приняли последний бой.

Остальное время они вдвоём просто гуляли по горам.

В тот день светило солнце, но ранневесенний горный ветер всё ещё был слегка холодным. Снег на Чанмине уже начал таять, а деревья выпустили первые почки.

— Куда ты меня ведёшь? — спросил Цзян Шэнь.

Ещё до рассвета Ли Жуань вытащил его из пещеры, загадочно заявив, что хочет показать кое-что.

Чанмин был огромен, с цепью больших и малых вершин. Они поднимались почти полчаса, но так ничего и не увидели.

— Скоро придём, — Ли Жуань взял Цзян Шэня за руку. Пройдя столько, он всё равно шёл легко, без малейшей усталости. — Уже совсем рядом.

А вот спина Цзян Шэня покрылась потом — так он вспотел в это раннее весеннее утро.

Он посмотрел на бодрого лисёнка впереди и тайно решил: когда вернётся в столицу, будет усерднее заниматься боевыми искусствами.

Нельзя всё время позволять лисёнку считать его слабаком.

Так думая, он шагал за Ли Жуанем сквозь лес — и тот наконец остановился.

— Пришли.

Взгляд Цзян Шэня широко открылся.

Это была самая высокая точка всех пиков Чанмина.

На вершине ещё оставалось немного снега. Они пришли как раз перед восходом — солнце ещё не поднялось, но небо уже начинало светлеть.

Горы в тумане казались бескрайними и безмолвными.

Цзян Шэнь улыбнулся:

— Ты разбудил меня так рано, чтобы смотреть со мной восход?

— Разве не красиво? — сказал Ли Жуань. — Это лучшее место, чтобы увидеть Чанмин.

— Красиво.

До восхода оставалось ещё немного. Цзян Шэнь усадил его на плоскую синюю плиту у обрыва. Рядом стоял старый пенёк, толстый, покрытый мхом — явно очень древний.

Цзян Шэнь взглянул на него, и тут Ли Жуань сказал:

— Наверное, это моя вина.

Цзян Шэнь удивился.

— Тут ближе всего к небу, — Ли Жуань провёл рукой по пенёчку. — Я каждый раз прохожу здесь небесную молнию. Похоже, это дерево пострадало из-за из моих испытаний... только я не помню, когда именно.

Он пережил слишком много небесных кар — память о прошлом была смутной, такие мелочи он давно перестал различать.

Цзян Шэнь взял его руку и прижал к своей ладони:

— Было больно, правда?

Ли Жуань опустил глаза:

— Что?

— Небесная кара, — мягко сказал Цзян Шэнь. — Это дерево такое толстое, и его раскололо надвое... если молния падала на тебя, разве тебе не было больно?

Ли Жуань помолчал и тихо признался:

— Больно.

Каждая небесная молния несёт силу грома — будто пламя прожигает тело насквозь. Болит всё: органы, кости, кожа.

Но чтобы выжить, нужно выдержать девяносто девять и восемьдесят один удар.

Ли Жуань пока держал максимум — семьдесят три. Это было в последний раз.

— Не будем об этом, скоро солнце взойдёт. Смотри, — Ли Жуань указал на небо.

Пока они говорили, небо постепенно наполнилось светом. Затем быстро зарозовело, и лучи рассвета разлились по горизонту огненным цветом.

В глазах Ли Жуаня отражалось утреннее сияние — ясное, чистое.

Цзян Шэнь оторвал взгляд от его лица и посмотрел вдаль.

Его маленький лисёнок делал вид, что живёт без забот, но в этом мире никто не может идти без груза на сердце. Просто он умел отбрасывать тяжёлые воспоминания... как сейчас.

Когда солнце поднялось, Ли Жуань внезапно потянул Цзян Шэня на ноги.

Он поднял руку и легко взмахнул.

И в тот миг, когда заря пролилась на Чанмин, будто тёплый весенний ветер разбудил всю землю.

Под его дыханием деревья становились изумрудно-зелёными, а цветы — распускались во всей своей красоте.

Цзян Шэнь онемел от удивления. Когда он обернулся, то увидел, что даже мёртвое дерево над головой Ли Жуаня пустило свежие побеги.

На ветках одно за другим раскрывались бледно-розовые цветы.

В глазах Ли Жуаня сияла улыбка — и лёгкая гордость.

— Это то, что я хотел тебе показать, — сказал Ли Жуань. — Подарок на прощание. Нравится?

Они встретились в самую суровую зиму, а расставались ранней весной, когда всё оживает.

Он подарил Цзян Шэню целую весну.

Цзян Шэнь долго не мог произнести ни слова. В горле пересохло, и лишь спустя время он мягко улыбнулся:

— Красиво.

— Я так люблю это зрелище.

— Это самый прекрасный пейзаж, который я видел в своей жизни.

Он наклонился, взял лицо Ли Жуаня в ладони, чуть склонил голову и поцеловал его в губы.

— Ты тоже.

Они сидели на вершине горы от рассвета до почти заката.

Когда небо загорелось вечерними облаками, Ли Жуань, прислонившись к его плечу, долго молчал, а потом тихонько позвал:

— Цзян Шэнь.

— Что? — отозвался тот.

— Тебе... не пора?

— Похоже, да...

— Как «похоже»? — Ли Жуань поднял голову и указал на чёрного орла, кружащего у них над головами с совершенно безразличным выражением. — Эта глупая птица уже почти час над нами летает, очень раздражает.

Цзян Шэнь: —...

— Не говори, что это не имеет к тебе отношения, — продолжил Ли Жуань. — Если бы не имело, я бы уже поймал и съел его.

Конечно же, имело.

Этот чёрный орёл был подарком от одного из придворных министров много лет назад, и его всегда держал при себе личный стражник Цзян Шэня.

Тот стражник не сопровождал его на юг во время ликвидации последствий наводнения и, следовательно, не пострадал в засаде у Чанмин.

Позже, когда Цзян Шэню понадобился двойник для поездки в Цзяннань, он выбрал именно его.

Раз орёл здесь — значит, тот человек приехал.

Но в глазах оборотня Ли Жуаня этот разумный, воспитанный с детства орёл всё равно оставался глупой птицей.

И сейчас, боясь Ли Жуаня, он даже не осмеливался подлететь — только кружил на расстоянии.

Цзян Шэнь помолчал, так и не ответив, затем резко повернулся и заключил Ли Жуаня в объятия:

— Не хочу уходить...

Он нарочно смягчил голос, копируя манеру лисёнка, и потерся носом о его шею, словно шала.

— Иди уже, — Ли Жуань похлопал его по голове и сам стал утешать. — У тебя ведь ещё так много дел.

— Дай хоть обнять.

— На время одной палочки благовоний.

— Хорошо. Только одну.

Но «палочка благовоний» растянулась неизвестно до каких пор — солнце уже село, луна поднялась, и дорогу вниз с горы было не рассмотреть.

Ли Жуань был вынужден использовать магию, чтобы спустить его вниз.

В лесу у подножия Чанмин стоял отряд из нескольких десятков человек.

Кто-то с факелом подбежал к одной из карет:

— Господин! Его Высочество велел ждать здесь, но мы уже почти три часа ждём. Не случилось ли чего?

На подножке перед каретой сидел молодой человек в чёрном, с суровым лицом.

Прижав к груди длинный меч, он, закрыв глаза, прислонился к дверце и даже не посмотрел на слугу:

— Я послал чёрного орла на разведку. Раз он не вернулся, значит, с Его Высочеством всё в порядке. Наверное, появилось какое-то важное дело. Терпите и ждите.

— Но... но ведь рядом уже граница Чанмина...

Мужчина с факелом огляделся по сторонам и понизил голос:

— Я слышал, что гора Чанмин очень зловещая, туда вход есть, а выхода нет. Многие говорят, что в ней живут демоны. И... и вы сами видели, сегодня по всей дороге всё было мёртвое, ни травинки, а Чанмин вдруг весь в цвету. Если случается нечто ненормальное — там точно водится нечисть!

Юноша в чёрном резко открыл глаза.

Но ответил не он, а другой голос:

— Ты такой трусливый, разве Его Высочество так тебя обучал?

Голос доносился из леса. Все обернулись — Цзян Шэнь медленно вышел из чащи.

Все разом опустились на колени:

— Приветствуем наследного принца!

Цзян Шэнь направился прямо к юноше в чёрном. Тот спрыгнул с кареты и опустился на одно колено:

— Подчинённый Юй Сю приветствует возвращение Вашего Высочества в столицу.

Когда он поднялся, можно было заметить, что его фигура почти полностью совпадает с фигурой Цзян Шэня.

Все эти дни он заменял его, изображая принца в Цзяннани.

— Ты хорошо потрудился, — Цзян Шэнь похлопал его по плечу. — Вставай.

Когда все поднялись, Юй Сю отступил на полшага, приглашая Цзян Шэня войти в карету.

Но тот не спешил. Он повернулся к стражнику с факелом:

— Ты только что сказал, что по пути сюда видел, как на Чанмине расцвели сотни цветов?

Сейчас уже стемнело, и среди деревьев было невозможно увидеть гору.

Стражник быстро закивал:

— Да-да, вдоль всей дороги было пусто и мрачно, а только Чанмин словно вдруг стал весенним — все видели!

Цзян Шэнь задумался, потом спросил:

— Красиво?

Стражник растерялся:

— А?

Цзян Шэнь терпеливо повторил:

— Я спрашиваю, красиво ли это выглядело.

Стражник окончательно запутался, но честно ответил:

— Очень красиво... горы зелёные, воды прозрачные, прямо не мирское место.

Цзян Шэнь удовлетворённо улыбнулся и поднялся в карету.

Стражник так и не понял, к чему был вопрос, но, боясь командира Ю, наклонился к другому солдату:

— Слушай... Его Высочество будто изменился. Может, его околдовали?

Товарищ покачал головой:

— Похоже... на весеннюю хандру.

Стражник: —???

После возвращения принца отряд быстро перестроился, готовясь к отправлению.

Цзян Шэнь, сидя в карете, услышал крик орла, приподнял занавеску:

— Да, ещё кое-что.

Юй Сю тут же подошёл:

— Ваше Высочество, прикажите.

— Ту глупую птицу... не кормите два дня, — лениво сказал Цзян Шэнь, взглянув на небо. — Слишком шумная, мешает делу.

Юй Сю: —...

Цзян Шэнь больше ничего не объяснил, снова опустил шторку и достал из-за пазухи маленькую вещицу.

Светло-розовый нефритовый подвес, украшенный кисточкой.

Нефрит был чистый, прозрачный, а на нём — вырезанный крошечный лисёнок: пушистый, кругленький, похожий на маленький комочек.

Днём Ли Жуань заставил его вырезать персиковый цветок, и они вплели в кисточку по одной пряди их волос.

Цзян Шэнь провёл пальцем по мордочке маленького лиса, улыбаясь в полголоса:

— Жди меня.

Он бережно спрятал подвес обратно.

Караван медленно тронулся.

Никто не заметил, что в тёмном лесу бесшумно возникла фигура.

Ли Жуань стоял в тени деревьев, наблюдая, как отряд уходит всё дальше, и тихо вздохнул:

— Я правда очень тебя люблю... хотя не знаю, такое ли это чувство, как у тебя.

— Но я всё равно хочу вознестись.

— А если ты вернёшься ко мне... это помешает моей практике.

Вознесение требует невероятно высокой духовной силы и состояния сердца.

Чем глубже привязанность к миру смертных, чем больше отвлекающих мыслей, тем меньше шанс на успех.

— Если бы я встретил тебя раньше... Если бы раньше, — сказал Ли Жуань, сжав губы, — тогда, может быть, я действительно смог бы прожить с тобой всю жизнь. Но теперь.

Он опустил глаза, выражение стало подавленным.

— Теперь я не могу снова упасть и начать путь к вознесению заново. Я и так помню всё хуже и хуже. Если я упаду ещё раз... я, возможно, даже забуду, что хотел вознестись. Мне... это не нравится.

Он достал из-за пазухи стеклянную бусину.

Ли Жуань некоторое время смотрел на неё, затем сжал ладони — и раздавил бусину в порошок.

В далёкой карете Цзян Шэнь, прислонившись к окну, всё ещё смотрел наружу с мягкой улыбкой на губах.

Но вдруг будто что-то оборвалось — он опустил голову и прижал пальцы к переносице.

Когда он поднял глаза снова, в них мелькнула растерянность.

Улыбка исчезла.

Ночная темнота опустилась на гору.

Когда Ли Жуань вернулся в пещеру, он увидел внутри горящий костёр. Он на мгновение замер, потом быстро понял, что происходит, и вошёл внутрь.

Линь Цзяньсюэ сидел у огня и ворошил поленья. Услышав шаги, поднял голову:

— Проводил его?

Ли Жуань подошёл и кивнул:

— Да.

Потом спросил:

— Откуда ты знал, что сегодня я пойду его провожать?

— Ты обратил Чанмин в весну за одну ночь. И ты надеешься, что я об этом не узнаю? — Линь Цзяньсюэ фыркнул. — Только за это утро ко мне приходило семь или восемь мелких оборотней — все спрашивали, что ты устроил. Ты что, решил весь Чанмин разобрать по камешку?

Ли Жуань потупил голову:

— Прости... Я хотел, чтобы он ушёл счастливым.

— Тратить столько духовной силы на заклинание обратного небесного хода... чтобы просто успокоить мужчину... — Линь Цзяньсюэ цокнул языком. — Великолепно.

Ли Жуань никак не ответил.

Он сел рядом, обхватил колени руками и опустил голову.

— А-сюэ... это странно, — тихо сказал он. — Мне... немного грустно.

Линь Цзяньсюэ замер.

— Это не странно, — сказал он спокойно, подбрасывая дрова. — Разлука всегда немного печальна. Вы столько времени были вместе — даже к домашнему зверьку привыкают.

Ли Жуань повернул голову:

— Значит... через пару дней всё пройдёт?

— Не знаю, — Линь Цзяньсюэ бросил полено в огонь и сказал негромко: — Все люди разные. Кто-то забывает через два дня. А кто-то... помнит всю жизнь.

— В-всю жизнь? — прошептал Ли Жуань. — Это очень долго.

— Да, — Линь Цзяньсюэ вздохнул. Танцующие отблески огня легли на его лицо, подсветив старый шрам у глаза, отчего тот стал кроваво-красным. — Очень, очень долго...

— И что мне делать? — тихо спросил Ли Жуань. — Я тоже буду помнить так долго?

Линь Цзяньсюэ повернулся к нему.

Он посмотрел серьёзно и очень прямо:

— Это ты должен спросить у себя самого.

— Жуань-Жуань, — сказал он, — в таких вещах никто не может решить за тебя. Вознесение... или Цзян Шэнь. Выбирать должен ты.

— Я... я правда не знаю... — Ли Жуань снова уткнулся лицом в колени, свернувшись маленьким комком.

Линь Цзяньсюэ закрыл глаза.

Через долгое молчание он вдруг сказал:

— Триста лет назад... это ты принёс меня обратно на Чанмин. Ты ведь не помнишь, да?

Ли Жуань поднял голову, хлопая глазами.

— Я был тяжело ранен в мире людей, почти умирал. Ты как раз проходил мимо и спас меня, — сказал Линь Цзяньсюэ. — Я спросил, чего хочешь в награду. И ты сказал, что хочешь использовать духовную силу Чанмина, чтобы достичь вознесения. И попросил меня защищать это место, чтобы никто не тревожил тебя.

Ли Жуань остолбенел:

— Т-то есть... все эти годы ты охранял Чанмин... из-за меня?

— А иначе что? — Линь Цзяньсюэ рассмеялся от злости.

— Не из-за родства же! Просто каждый раз, когда ты сваливался с какой-нибудь скалы, я тащил тебя обратно и залечивал твои раны. У тебя — красный лис, у меня — белый. Мы и так наполовину сородичи. Разве нельзя считать это родственностью?

— Да, да...

Если подумать, А-Сюэ действительно много ему помогал. Но Ли Жуань всегда жил сегодняшним днём и никогда всерьёз не задумывался, почему.

Линь Цзяньсюэ продолжил:

— Триста лет назад я спросил тебя, зачем ты хочешь вознестись.

Ли Жуань широко распахнул глаза:

— И что, я сказал?

— Нет, — ответил Линь Цзяньсюэ. — Ты лишь сказал, что это твоя давняя мечта. Что это единственный смысл, который держит тебя в этом мире.

— Какая жалость... — пробормотал Ли Жуань.

Если бы он тогда рассказал, А-Сюэ мог бы сейчас напомнить ему.

— Да, жаль, — тихо сказал Линь Цзяньсюэ. — И я тоже хотел бы знать.

Тогда мне бы не пришлось смотреть, как ты снова и снова проходишь небесные молнии, как тебя разрывает громом до полусмерти...

Ты ради той мечты превратил себя в такое, — он горько усмехнулся. — А в итоге даже не помнишь, ради чего.

Он посмотрел прямо на Ли Жуаня:

— Жуань-Жуань, скажи... и сейчас это всё ещё смысл твоей жизни?

Пальцы Ли Жуаня, сцепленные на коленях, дрогнули.

— Нет.

Не смысл.

Он даже не помнил, что когда-то говорил такие слова — что уж говорить о всём остальном.

— Так что, у меня совсем нет шанса выбрать снова? — тихо сказал он, снова сворачиваясь клубком. — Ведь... я уже разрушил его память.

Заклятие было необратимым. Если память-бусина уничтожена — то уничтожена навсегда.

— Не недооценивай смертных, — Линь Цзяньсюэ улыбнулся слегка. — Если он действительно носит тебя в сердце — этого не стереть. Хоть тысячу жизней проживёт — не исчезнет. Что уж говорить о твоём маленьком заклинании.

Ли Жуань молчал.

Вдруг — пух! — в пещере раздался хлопок, и он снова превратился в лисёнка.

— Это всё так раздражает! — маленький лисёнок обхватил хвост лапами и начал кататься по полу, забывая пещеру жалобным воем. — Вот если бы я тогда не выбрал именно Цзян Шэня! Зачем именно его? Зачем он упал! А-а-а-а!

Линь Цзяньсюэ только покачал головой, глядя, как крупного красного лиса, хоть и вырос за эти месяцы, по-прежнему катается по полу пушистым помпоном.

— У тебя и правда характер... — вздохнул он.

Он пришёл утешать — а утешать, похоже, и не нужно.

Очень даже живо страдает.

Он поднялся, отряхнув одежду:

— Всё, что я мог — я сказал. Остальное думай сам. Я спать.

Ли Жуань уже докатился до другого конца пещеры, положил мордочку на лапы и послушно помахал хвостом:

— Хорошо. Спокойной ночи. Я подумаю. Как следует подумаю.

Ему действительно нужно время.

Благодаря магии Ли Жуаня Чанмин за одну ночь превратился в весну.

Ранним утром ярко-красная тень пронеслась через лес, легко спрыгнула на ветку.

Лисёнок повернулся на ветке и превратился в юношу в красном.

Облокотившись на ствол, он протянул руку и сорвал спелый плод.

Весело надкусил.

На ветку слетела тёмно-серая птица.

Ли Жуань быстро доел фрукт, сорвал ещё два и один протянул птичке:

— Ну? Есть новости? — спросил он.

Синица была явно голодна: сначала стала есть, не отвечая.

Ли Жуань ткнул её пальцем:

— Быстро говори. Что в столице?

Синица покосилась:

— Тебе же нужен только Цзян Шэнь и новости про столицу.

— Да-да-да! — мгновенно согласился Ли Жуань. — Ну? Как там Цзян Шэнь?

— Он в полном порядке, — сказала синица. — В столице теперь только о нём и говорят. Говорят, ему понадобилось меньше месяца, чтобы вычислить настоящего злодея, который напал на него за пределами столицы. Кажется, это какой-то принц. Император уже приказал посадить его под домашний арест.

Ли Жуань подумал:

— Третий принц, Цзян Янь?

— Наверное, — снова пискнула синица. — Говорят ещё, что отыскали всех крупных сановников, которые были с третьим принцем. Всех арестовали. Будут казнить.

Ли Жуань кивнул:

— Это хорошо.

Он незадолго стёр в памяти Цзян Шэня всё, что касалось его самого: нападение на Чанмин, притворного двойника, отправленного на юг, арест губернатора Хугуана — всё это Цзян Шэнь забывал.

Но из-за этого должны были появиться пробелы и путаница.

Например, Цзян Шэнь больше не помнил, как именно спастся от убийц, и не мог понять, почему сожжённое письмо вдруг нашлось снова.

Поэтому Ли Жуань всё это время беспокоился: не помешают ли эти пробелы Цзян Шэню отомстить.

Теперь казалось — небольшая потеря памяти нисколько не повлияла.

— Он правда потрясающий, — тихо вздохнул Ли Жуань и сорвал ещё несколько плодов, делаясь ими с синицей.

После отъезда Цзян Шэня больше всех пострадала именно она.

Она всю зиму прожила у ломбарда, завела целую стайку младших, а теперь некому носить письма, еды нет, а семью из десятков птах надо кормить — вот и носится по лесам.

Ли Жуань в итоге попросил её увести младших в столицу и помогать собирать новости, а сам стал помогать с поиском еды.

Синица проглотила кусочек мякоти и сказала:

— Кстати! Говорят ещё, что император очень доволен Цзян Шэнем и хочет заранее передать ему трон, чтобы уйти на покой и лечиться.

— Отлично, — Ли Жуань поднял взгляд в сторону города, которого отсюда всё равно не было видно. — Он будет хорошим императором.

Синица посмотрела на него долгим взглядом.

Поднялась выше на ветку, посмотрела ему прямо в глаза:

— Ли Жуань... ты ведь скучаешь по нему, правда?

Ли Жуань моргнул, болтая ногами, и промолчал.

— Ты точно скучаешь! — уверенно заявила синица. — Так иди к нему! Ты же можешь спуститься в мир смертных.

— ... — Ли Жуань отвернулся. — Мне нужно тренироваться. Я занят.

— Ты уверенно тренируешься? — удивилась синица. — Ты же раньше вообще не ел, когда практиковал эту технику... как её... бигу. А теперь вообще не получается.

— Это тут ни при чём... — буркнул Ли Жуань.

И правда, он хотел заниматься серьёзно.

Но почему-то последнее время его прогресс был удивительно медленным.

Техника бигу у него не получалась, он стал голодать быстрее, чем раньше — даже быстрее, чем после ранения молнией.

Если он не поест хотя бы раз в день... его просто ломало от голода, он ничего не мог делать.

Но А-сюэ не верил ни слову. Он был уверен: лис страдает от любви и не может сосредоточиться на практике.

Птица долго чирикала у него над ухом, пока у Ли Жуаня не заболела голова. Тогда он наспех нарвал ей фруктов для семьи и выгнал под предлогом культивации.

Лес сразу стих.

Ли Жуань облегчённо вздохнул, спрыгнул с ветки и хотел найти тихое место для практики.

Он всё ещё не мог решить — вознесение или Цзян Шэнь.

Месяц прошёл, а ответа внутри так и не появилось.

Он очень хотел увидеть Цзян Шэня.

Очень, очень сильно.

За сотни лет, что Ли Жуань хранил свои воспоминания, кажется, он никогда ещё не испытывал такого сильного желания увидеть конкретного человека.

Несколько раз он посреди ночи внезапно просыпался на соломенной подстилке, где спал Цзян Шэнь, — и ему хотелось плюнуть на всё и немедленно полететь в столицу.

С его силой ему и половины чашки чая не понадобилось бы, чтобы оказаться рядом.

Но... он яростно сопротивлялся этому порыву.

Он столько раз проходил через небесные молнии, и в последнюю грозовую катастрофу смог выдержать свыше семидесяти ударов. После десятков лет практики он наконец приблизился к полной устойчивости.

Ещё немного — и он бы вознёсся. Если он сдастся сейчас, разве не окажутся все прежние мучения напрасны?

Тем более — он даже уничтожил память Цзян Шэня ради того, чтобы окончательно решить.

А теперь...

Теперь он раскаивается.

И чувствует себя круглым идиотом.

В общем, Ли Жуань так и не мог найти для себя ответ.

Он выбрал в лесу уединённое место и сел в позе культивации.

Неясно, из-за постоянной путаницы в мыслях, но последние дни его продвижение в практике было настолько медленным, что почти не сдвигалось с места.

Если сравнить с невероятно быстрым прогрессом Цзян Шэня, то это было словно небо и земля.

Ли Жуань пытался больше не думать ни о чём лишнем, отбросить всё и успокоить дыхание.

Но он не ожидал, что сегодняшняя практика окажется ещё более странной.

Плотно собранная энергия опустилась от макушки вниз — тёплым ровным потоком, проходя по большому и малому кругам. Но когда она достигла одного места... исчезла бесследно.

Ли Жуань открыл глаза.

Он опустил голову, посмотрел на место, где оборвалась циркуляция энергии, и попытался запустить её ещё раз.

На этот раз он собрал ещё больше энергии. Поток медленно опускался... и когда почти достиг нижнего даньтянь — снова исчез.

Но теперь Ли Жуань отчётливо почувствовал: энергия не пропала, её кто-то всосал.

Ли Жуань потрогал свой живот.

Под тонким слоем кожи он не чувствовал ничего особенного, только если нажать сильнее — ощущалось лёгкое напряжение, будто внутреннее разбухание.

...Может, он съел слишком много фруктов? — задумчиво подумал Ли Жуань.

<http://bllate.org/book/14444/1277240>